

БЕСЕДЫ С ВОЛЬФГАНГОМ КРЕЧМЕРОМ

М.БУРНО

Профессор Вольфганг Кречмер из Тюбингена – всемирно известный психиатр-психотерапевт, автор «Синтетической психотерапии», сын классика мировой психиатрии Эрнста Кречмера (1888-1964). Последние 18 лет каждые два-три года он приезжает в Россию – повидаться с коллегами и их пациентами, выступить с лекциями, побывать в художественных музеях, посидеть в библиотеке со старыми нашими книгами. С давних пор Вольфганг Кречмер переживает и обдумывает глубинное созвучие германской и российской психиатрии, психотерапии, духовной культуры вообще. Его русский язык весьма богат выразительными тонкостями. Высокий, сухощавый, семидесятичетырехлетний, юношески неловкий, готически отрешенный – как путешествующий исследователь насекомых старого времени, он тем не менее мгновенно подмечает вокруг важные общественные «мелочи» нашей жизни. Любит быстро долго ходить, вдохновенно гребет в лодке и парится в русской бане.

С 3 по 7 июля 1992 года мы вместе проводили часть семинара «Психотерапия духовной культурой» на берегу озера недалеко от Архангельска. Я живо вспоминаю наши прогулки на природе с биноклем и фотоаппаратом, во время которых Вольфганг восторгался многими нашими растениями и птицами, которые знал по именам (по-латыни и даже по-русски). Из наших бесед на этом семинаре и, конечно, из прежних встреч (давно уже дружим) и составилось это интервью-портрет. В.Кречмер прочитал подготовленный к печати текст, сделал некоторые исправления-уточнения и просил считать этот текст авторизованным. Я старался как можно осторожнее редактировать рассказанное мне В.Кречмером, чтобы сохранить хотя бы местами прелесть немецкого колорита его русского языка.

М.Бурно

*доцент кафедры психотерапии
Центрального института
усовершенствования врачей*

Бурно. Расскажи о твоих самых ранних впечатлениях-воспоминаниях.

Кречмер. Мне еще не было в ту пору (в начале 20-х годов) шести лет. Я лежал в кроватке и с удовольствием слушал камерную музыку из соседней комнаты. Там отец играл на скрипке (он был тогда заместителем директора факультетской психиатрической клиники), мать – на фортепьяно, известный невропатолог Шольц – на виолончели, Герман Гоффман – психиатр, особенно известный работами о навязчивостях и наследственности в психиатрии, – тоже на скрипке. Оба были тогда ассистентами Гауппа¹. Играли Шуберта, Шумана. И еще помню глубокую привязанность свою к живой природе, кажется, с самых первых встреч с ней. Когда уже сам стал гулять, все ходил в лес, в парк и рассматривал там растения, насекомых. Подолгу наблюдал за улиткой, ползущей по стене, наблюдал с восторгом за лягушками, жабами, кошками, собаками. Ходил в село – смотреть на коров. Отец не хотел, чтобы дома жили какие-то животные. Он не мог притронуться к собаке, потому что навязчиво боялся загрязнения. После купания в реке обычно долго навязчиво вытирался полотенцем в своей кабине, и вся семья его ждала. Уже ребенком, восхищаясь природой, я ясно чувствовал, что это как-то мне посылается, что цветы, улитки – все это от Бога.

Б. Расскажи еще об отце.

К. Отец был очень чувствительный, скрупулезный, неуверенный в себе, но благодаря большой энергии и добросовестности мог делать карьеру. Он, конечно, был пикник, больше циклоидности, практик, живой, любезный, общительный, с юмором, комическими анекдотами, но и с очень сложными, глубокими тревожными и навязчивыми переживаниями. Была у него и шизотимность в виде большой личной ранимости, чувствительности. Когда возникала какая-то трудность, проблема в отношениях с людьми, становился суховатым, серьезным, с некоторыми людьми даже прерывал отношения. Был очень разборчив в людях. Любил своих детей, рисовал им, тревожился о них, но старался не обнаруживать свое чувство, как это было принято тогда среди немецких мужчин.

Б. Это как в одном его позднем стихотворении:

Смотреть нам в жизнь дай лихо, bravo,
Но за серьезными губами².

К. Да, да. Отец окончил Тюбингенский университет в 1912 году (ему было тогда 24 года). Писал стихи и думал стать писателем. Хотел работать в провинциальной психиатрической больнице с хроническими пациентами, где врач после утреннего обхода и кофе обычно свободен и у него достаточно времени писать повести и новеллы. Но Гаупп заметил его, пригласил к себе ассистентом, отец не мог отказаться от такого

¹ Роберт Гаупп (1870-1953) – директор факультетской психиатрической клиники в Тюбингенском университете, ученик Вернике и Крепелина, известен работами о паранойе, истерии, эпилепсии. – *Прим. М.Е.Бурно.*

² Пер. с нем. Е.И.Бурно. Из книги: *Kretschmer E. Gestalten und Gedanken. 2 unveränderte Auflag. – Stuttgart: Thieme, 1971. – S.217.*

приглашения, и не знаю как литературе, а психиатрии повезло. В 1918 году вышла первая книга отца «Сенситивный бред отношения».

Б. И родился старший сын – Вольфганг.

К. Да. Эта книга сделала отца доцентом, и тогда стало ему окончательно ясно, что он останется в науке, а то все были колебания.

Б. А что можешь рассказать о матери?

К. Она была дочерью лютеранского пастора. Луиза Кречмер, урожденная Прегицер, умерла в 1969 году. В юности очень красивая, без профессии, со школьным образованием, очень добрая, скромная, шизотимная. Они поженились в 1915 году, когда отец уже работал у Гауппа. Мать, видимо, сразу же поняла, что отца ждет великая карьера и всячески облегчала его жизнь дома, чтобы

помочь ему спокойно работать. Старалась освободить его от всего, что он сам мог бы не делать. Ради этого она сопровождала его в путешествиях на конгрессы в другие германские города и другие страны, отвечала на все письма, кроме писем к коллегам. Она вычитывала его рукописи и помогала исправить к лучшему некоторые места как редактор. Отец был глубоко благодарен ей, было у них большое взаимное доверие. Помню, как субботними и воскресными вечерами они читали вместе вслух, играли (скрипка и фортепьяно), как отец пел лирические песни, а мать аккомпанировала на фортепьяно.

Б. У вас была служанка?

К. Да, тогда это было так дешево, что даже ассистент, любой человек интеллектуальной профессии мог позволить жене служанку, чтобы жена не убирала квартиру, не готовила обед, а только составляла меню и помогала мужу в делах. Отец, когда заведовал кафедрой, работал в клинике до двух часов, и потом мы всей семьей обедали. После обеда отец писал и читал, порою принимал психотерапевтических пациентов. Но за обедом он рассказывал матери при детях, каких интересных видел пациентов, что рассказывали ему пациенты о Гитлере, о новых порядках, возмущался, смеялся, издевался над Гитлером. Мне теперь страшно это вспоминать. Если б он знал, что с ним могут за это сделать, если кто-то из детей такое где-то расскажет, он, очень тревожный, конечно, молчал бы. Видимо, он никак не мог отвыкнуть тогда от демократии.

Б. Отец был верующим?

К. Нет. У него было сложное отношение к религии. Сын лютеранского пастора, он был разочарован в религиозности своего отца, как и Юнг, как и Бонгеффер, тоже сыновья священников. Называл протестантизм (лютеранство) пустым, тревожным морализмом. Он не отвергал Бога, но и не мог, и не хотел проникнуться какой-то религией. Христианская религия стала ему чужой, но вопрос о Боге всегда в нем оставался. В беседах со мной он никогда не говорил, что это пустяки, никогда не попрекал меня моей религиозностью и благосклонно отнесся к тому, что я стал ходить в религиозную школу к одному пастору, близкому к католицизму.

Б. А как развивалась твоя религиозность?

К. Я тоже чувствовал в юности недостаточность для себя протестантизма, и этот пастор помог мне понять христианство преимущественно католически. Католичество стало мне ближе, чем лютеранство. Но когда я пришел в Россию в 1942 году и постоял в брянских и калужских храмах на литургии, я убедился, что православие с его обрядами есть истинное, самое правдивое христианство. Официально я принял православие (таинство миропомазания) в 1962 году. В Германии православие теперь третье вероисповедание после протестантизма и католичества. В основном исповедуют у нас православие эмигранты – греческие и славянские (русские, сербы, болгары). А ведь я в гимназии шесть лет каждодневно учил греческий и девять лет – латынь, могу читать религиозные греческие оригиналы. Более того, я, конечно, любил славянское богослужение. А до 1962 года был официально лютеранин (как и все в нашей семье).

Б. Чем же православие для тебя правдивее других христианских ветвей?

К. Православные несравненно больше, глубже участвуют душой в вере. Внешние формы этой религии, ее обряды – прекрасный путь снаружи во внутреннее содержание христианства. В католичестве, лютеранстве обряды часто так и остаются обрядами, а здесь мифологический мотив рождения младенца-жертвы, отношения Отца и Сына приобретают новый, истинно духовно-человеческий смысл. И Богородица как женский образ отношения к Христу... Это необыкновенно духовно. Литургия необходима для меня, я чувствую на литургии радостный свет в душе как истинное соединение с Богом. Уже в юности я чувствовал изначальный, вечный Божественный Дух, обращенный ко мне, и нравственный его смысл, чувствовал то, чего не чувствовал отец. Но православные обряды, как ничто другое, вводят меня внутрь христианской веры. В них видится между прочим, как природа, преображаясь, включается в религиозную жизнь... Я всегда удивлялся тому, что каждый лист одного и того же дерева отличается от другого. Природа каждым своим цветком, каждой уточкой в озере неповторима, неизмеряема. То есть она всем этим указывает на Бога-Творца.

Б. А как стал ты психиатром-психотерапевтом?

К. Стремления к медицине в гимназии у меня не было, хотя медицина и не была мне чужой, ведь отец рассказывал за обедом о своих пациентах. Я хотел быть зоологом, чтобы изучать поведение животных в естественной обстановке, как Лоренц. Но, когда пришло время, отец сказал, что медицина – это более надежный хлеб и, кроме того, хорошая база для биологии, если не остынет к ней интерес. Я советовался с одним зоологом, и он сообщил мне, что Лоренц тоже сперва учился медицине. Ну я и поступил на медицинский факультет Марбургского университета. Нас ускоренно выпустили, потому что уже шла война. Я попал на фронт, а после войны у нас была некоторое время неуверенная экономическая

ситуация, и я уже не стал учиться на зоолога. Решил, что пойду в психиатрию, так как она объединяет в себе и естествознание, и духовное. Поступил ассистентом в клинику отца.

Б. Расскажи о своих военных годах.

К. Два года был в брянских и калужских лесах, пока отец с помощью знакомого генерала-профессора не отозвал меня в 1944 году назад в Германию – для научной работы. После того как мой брат погиб в России. Я был против этой войны. В сущности, был не участником войны, а посетителем на ней. Когда прибыл в Россию, уже прошла первая зима войны, и немецкую армию отодвинули от Москвы до калужских лесов. Единственный врач в батальоне, сражавшемся с партизанами, со своим медицинским ящиком, иногда палаткой... Я был тогда очарован лесными русскими растениями – таких прекрасных не было в Германии. С винтовкой в руке в строю я вдруг увидел чудесный, такой красивый крупный цветок – *Calla palustris*³. Поразила священная атмосфера в тишине леса, изобилие растений, совсем нетронутых. Почувствовал себя как в священном зале, как-то очень сильно, остро ощутил тогда Бога в природе.

Я должен был лечить и русское население, чтобы не было эпидемий, чтобы инфекции не перекидывались на немецкую армию. Каждый день принимал пожилых людей, детей, женщин. Другие офицеры пили водку, а я сидел вечерами с учебником русского языка. И меня тронуло, удивило, что русские люди, приходящие ко мне за помощью из городков и деревень, так тепло относятся ко мне, врагу, будто я русский. В благодарность они приносили мне молоко, яйца. Женщины топили для меня русскую баню, я парился, и один раз в это время с русской стороны как раз обстреливали место. Я почувствовал, понял, что у меня с этими простыми русскими людьми гораздо более теплые, человеческие отношения, нежели с товарищами по оружию. Так я полюбил русскую душу. Ходил в гости к своим пациентам по приглашению, ходил в церковь. Одни начальники-офицеры поощряли это, другие весьма хмуро относились к моим человеческим отношениям с русскими, но все же не запрещали так подолгу с ними бывать. Как врач я, конечно, мог себе это позволить: ведь неизвестно – может быть, я иду в эту избу больного навестить. Словом, меня не трогали.

Б. Может быть, потому, что относились как к неопасному чудаку, который изучает русских крестьян, как свои лесные растения, насекомых?

К. Да, да, это было именно так. И вот с тех пор все русское, славянское мне так дорого. Сейчас, на пенсии, я мог бы путешествовать в Америку, Африку, Индию, а я все приезжаю, особенно последние годы, к славянам: в Россию, Югославию, Польшу, Болгарию, к чехам, словакам. Если я не побуду со славянами в общей сложности трех месяцев в году, мне плохо. Нигде более нет такой душевной открытости, искренности,

³ Белокрыльник болотный. – Прим. М.Е.Бурно.

участливости, даже если человек мало говорит. Наверное, моя тяга к России глубоко наследственна. Ведь два моих тюбингенских предка из XVIII века были путешественниками-натуралистами в России. Мой предок по отцу Иоганн Георг Гмелин участвовал во второй Камчатской экспедиции Беринга-Чирикова. Академия наук в Санкт-Петербурге издала 4 тома его труда «Флора Сибири». А у его племянника Самуила Готлиба Гмелина вышло в Санкт-Петербурге «Путешествие по России для исследования трех царств естества», тоже в четырех томах⁴.

Б. Ты говоришь на многих языках. Как это удалось?

К. Я, как и отец, получил в классической гимназии основательно только греческий и латынь. Но уже в гимназии почувствовал расположение и способности к языкам, взял это в свои руки. Окончив гимназию, уже знал французский, английский. Потом изучил испанский, занимался итальянским. На фронте освоил русский и даже занимался церковнославянским, посещая православные храмы. Церковнославянские, русские религиозные тексты меня убеждали в высшей правдивости православия.

Б. Но мне рассказывали на Западе, что ты говоришь на всех славянских языках.

К. Да, читаю на всех. Чем больше знаешь языков, тем легче овладевать следующим.

Б. А отец мог говорить на каком-нибудь иностранном языке?

К. Нет. Он мог только немного читать по-французски. Пытался с учительницей заниматься английским языком перед поездкой с докладом в США, но очень слабые успехи. Так трудно давалось произношение... Такова его особенность. Все иностранные дела в клинике, все пациенты-эмигранты были в основном на мне.

Б. Когда отец особенно много занимался психотерапией?

К. В тридцатые годы – в гитлеровское уже время – он писал об этом мало, случаев не публиковал, печатал лишь теоретические работы. Это статья «Структура личности в психотерапии» (1934) и книга «Психотерапевтические этюды» (1949). В 20-е годы важность психотерапии в германской психиатрии вообще не признавалась. Но, помню, Эуген Блейлер из Швейцарии тогда весьма поддерживал и конституциологические исследования отца, и его интерес к психотерапии.

Б. Мы знаем, что теоретическое существование психотерапии Эрнста Кречмера в том, чтобы помочь пациенту приспособиться в жизни соответственно своим конституциональным основам, найти свое целебное жизненное поприще. Твой отец писал стихи, хотел писать новеллы и повести, рисовал, играл на скрипке, изучал творчество гениальных людей. Почему же он не применял все это в своей психотерапии, ограничивался до конца жизни, как знаем, лишь индивидуальными встречами с пациентами и психотерапевтическими советами?

---

⁴ См. о Гмелинах в наших энциклопедиях. – Прим. М.Е.Бурно.

К. Видимо, потому, что боялся за свой научный престиж. Строгий немецкий ученый совет не понял бы, не пропустил бы всего этого.

Б. И, наверно, еще потому, что даже в Западной Европе профессор, заведующий кафедрой не может работать практически-психотерапевтически с достаточно большим количеством пациентов, как практический врач, «засучив рукава»?

К. Да, конечно. В таком положении оказался и я, когда отец дал мне как часть своей кафедры отдел медицинской психологии и конституциональной биологии. Ведь отец руководил кафедрой психиатрии и неврологии, это для него было принципиально важно, чтобы вместе – тело и душа. А после ухода его на пенсию возникли, кроме моего отдела, отдельно кафедры психиатрии, неврологии и еще кафедра психоанализа. Мой отдел умер с моим уходом на пенсию в 1983 году. Умер потому, что некому у нас продолжать это дело. Работы отца считаются классическими, но по-настоящему дело отца, особенно его психотерапевтическая концепция, не развивается сейчас в Германии. Это прозвучало достаточно ясно на праздновании столетнего юбилея отца в Тюбингенском университете⁵. Нас тоже заливает психоанализ. И ты наверно лучший ученик моего отца, чем все у нас там. Отец бы тебя хорошо понял и принял. И меня ты понимаешь лучше, чем кто-либо еще в России.

Б. Спасибо. Мне все это, конечно, дорого. Как складывалась твоя научная жизнь?

К. В 1951 году я стал у отца доцентом, благодаря моей первой книге «Невроз как проблема созревания» (1951). Это исследование незрелости у невротиков, которая обнаруживается и в телосложении. Изучал конституциональные возрастные типы. Развивал здесь положения отца. И еще, работая над диссертацией, полгода стажировался у Манфреда Блейлера в Цюрихе. Таким образом я стал преподавать. Ведь ассистент не преподает, он только помощник профессора.

Б. Это как у нас старший лаборант.

К. Да, у нас до сих пор первая диссертация – докторская. Защищается она после окончания университета. Докторская диссертация отца – «Бредовые идеи депрессивных» (1913), а моя – о расширении ядра ганглиозной клетки при раздражении соответствующих нервов (1942). Вторая диссертация у нас – доцентская, она должна быть опубликована. У отца это – «Сенситивный бред отношения» (1918). Дальнейший шаг от доцента до профессора у нас более или менее автоматический – через несколько лет. В 1959 году я был приглашен на два года в Чили и Колумбию как гость-профессор – читать медицинскую психологию, так как знал испанский.

Б. Расскажи об остальных твоих книгах.

---

⁵ См. Tubinger Blatter, 1988. – S.93-94.

К. Вторая книга «Психологическая мудрость в Библии» (1956) – философско-психологическое толкование первой главы Бытия. Суть ее в том, что читать о событиях в этой главе надо не как о внешних событиях, а как об отражении процесса душевного и духовного развития, то есть переключая все во внутреннюю сцену. Это только кажется, что это внешние события, а на самом деле это мифологические образы, объясняющие развитие человеческой души и духа. Мифология евреев включает в себя многое общечеловеческое. Бог-как-Личность, начало всего, создает Природу, и она отражается в чувствах и мыслях. Каждый образ (растение, животное, море) – это символ, означающий что-то в человеческой душе. Книгу мало кто купил, но некоторые глубоко ее прочувствовали и даже сейчас, узнав, что это я ее написал, сообщают мне об этом с благодарностью. Третью книгу «Врач в наше время» (1960) написал в Чили по-испански. Это не очень сильное социально-психологическое сочинение, критический обзор позиции врача в обществе, об отношении врача к пациентам. Четвертая книга – «Созревание как основа кризиса и психоза» (1972) – чисто психиатрическая монография, охватывающая и проблему созревания при неврозах. Это книга о зависимости психических нарушений от биологической почвы созревания, от биологической зрелости. Эта идея развития в психиатрии идет к нам еще из прошлого века. И, наконец, последняя, пятая, книга «Психоанализ в противоречиях» (1982) – критика психоанализа и размышления о других путях психотерапии в наше время, о различных синтетических направлениях: от анализа к синтезу и лечебному переживанию.

Б. Теперь поговорим подробнее о твоей психотерапии и о твоём мироощущении, о мироощущениях вообще, с которыми всегда так сильно, подробно связаны психотерапевтические направления. Ведь ты уже давно убежден в том, что пациентам следует серьезно помогать и духовной культурой. Что ты называешь культурой?

К. Культура – это родина человека. Мы не можем и не должны избегать ее разными психологическими увертками. Культура кормит, исцеляет нас, поскольку она сама здорова. Пусть не каждый день, но возникают ситуации, когда с пациентом возможно говорить о душе, о поэзии. Даже когда хотим религиозное переживание передать другим людям, делаем это средствами культуры. Но человек может получить религиозный опыт, конечно, и без искусства, без мышления. Например, в медитации. Когда человек приближается к Божественному и возникает непосредственное ощущение, переживание святого без определенных понятий и предметов, это и есть мистика. Мистика постоянно оживляет религию, ее обряды, мораль. Верующие часто жестко выполняют правила религии без живого опыта, и некоторые священники боятся индивидуального, мистического опыта верующих, так как это уже не догма. Мистики показали, как можно иметь более глубокие религиозные опыты. Смысл литургии в том, чтобы почувствовать Бога, привести к

непосредственному мистическому опыту. В божественной литургии культурное и мистическое сливаются в одно, и человек испытывает божественный восторг, свет в душе, чувствуя, что Бог таким образом обращается лично к нему, чувствует нравственную силу этого воздействия. Цель литургии – встреча с Богом. Переживание есть истинно мистическое – когда человек переживает «совсем другое».

Б. То есть не земное?

К. Да, переживание совсем другого порядка, и это есть во всех религиях.

Б. Я, как знаешь, нерелигиозный человек, но тоже испытываю по временам светлое мироощущение, творческое вдохновение, переживание доброжелательности, любви (в широком смысле) ко многим людям. Однако не чувствую это как встречу именно с Богом, как если бы Бог обратился именно ко мне. Чувствую этот душевный, духовный свет как излучение моего собственного тела, моей собственной природы, саморазвивающейся среди людей, растений, животных, среди неба и земли. Мало того, чувствую, что мне другого не надо, так же как, например, Саврасов, видимо, не хотел бы видеть мир и изображать его так, как Рерих. В чем тут дело? Ты думаешь, я нерелигиозный конституциональный тип?

К. Да, есть люди, весьма предрасположенные к религиозному, мистическому опыту. Я пишу об этом в своих дополнениях в последнем издании книги отца «Строение тела и характер». Шизотимные люди, конечно, особенно остро могут непосредственно почувствовать абсолютное. Циклотимным людям это труднее, но они зато хорошо по-своему понимают, чувствуют, что Бог есть Любовь.

Б. Но ведь им трудно оторвать чувство любви от отдельных, конкретных людей.

К. Да, верно, они имеют менее совершенный, или, правильнее, другой конституциональный аппарат для общения с Богом.

Б. То есть конституцию человека по-твоему возможно сравнить, как это сейчас делают, с приемником, например телевизором, который принимает духовную, божественную программу? Этот приемник может быть грубым, попорченным, с расплывчатой картиной, без цветного изображения и т.д.

К. Да, это интересное, верное сравнение.

Б. Вот я чувствую себя не приемником, а источником своих духовных движений, своего светлого мироощущения, когда я открыт творчеству и любви. Думаю, что я духовный материалист, потому что не могу оторваться от чувства первичности материи, природы по отношению к духу, как и одухотворенный русский поэт Баратынский, который называл себя за это «недоноском».

К. Это вечная проблема. Но я думаю, что если в переживании душевного света ощущение Бога не получено, это все равно хорошо, хотя и неопределенно. Но литургия может помочь направить это переживание

к Христу. Кстати, медитация это та же проблема – не знаешь порой, религиозное это переживание или нет.

Б. Скажи, когда верующий человек с мистическим опытом в душе умирает, он входит в это светлое мистическое переживание уже навечно?

К. Да, возможно. Может быть, это не все и всего не узнаем никогда. Но допустимо, что в этом мистическом переживании, которое вот испытываю немного в литургии, спасенный верой пребывает вечно. К этому переживанию подходит еще слово «теплота».

Б. Этот свет лишен всего национального, исторического, природного, в нем только линии и краски, как в композициях Кандинского?

К. Да, но у Кандинского большое сужение переживания. В его линиях и красках нет света и тепла.

Б. Можно сказать, что к этому светлому, теплому, мистическому переживанию особенно предрасположены люди, например шизотимы, которые по природе своей чувствуют дух первичным, изначальным по отношению к материи?

К. Противопоставление духа и материи – дуализм. Дух и материя – это ведь разные аспекты одного целого. Невозможно оторвать одно от другого, объяснить одно, отойдя от другого. Когда человек мертв – это уже не тело, а скопище молекул. Человек живет как личность – и тут нельзя отгородиться от телесных, физиологических основ.

Б. А как уходит дух из тела и как поселяется в нем?

К. Это Тайна.

Б. Я тоже думаю, что это вечная тайна, неразрешимый вопрос. Но я убежден по жизни, по разговорам с людьми, что многие люди природой своей чувствуют материю первичной по отношению к духу, а многие другие – наоборот.

К. Дух можно понять какдвигающий, управляющий принцип. Современная физика показывает, что материя есть всего лишь отношение, она растворяется, исчезает. И когда человек испытывает мистическое переживание, он чувствует дух в своем изначальном, чистом виде. Все религии предполагают, что дух – основа всего.

Б. То есть он изначален, первичен. А другие думают так о материи. Мне передали, что один православный священник сказал обо мне, прочитав мою книгу «Терапия творческим самовыражением», где я описывал, как по-доброму заботился о своих пациентах, что мое неверие угодно Богу. Как это понимать?

К. Я тоже так думаю.

Б. Но тогда Бог – просто символ добра, а далее люди понимают, чувствуют его каждый по-своему, в соответствии со своими особенностями, своей конституцией. Или это так только для меня, а для верующих иначе?

К. И неверие в Бога тоже нужно, чтобы вера постоянно возрождалась.

Б. Люди рассказывали мне, что, испытав в церкви светлое духовное переживание как божественное послание им, они и проникались по-

настоящему с тех пор верой, становились истинно верующими. Все ли могут ощутить этот чистый, беспредметный, сильный свет в душе, Божественный свет без мыслей и образов?

К. Человек способен смотреть сквозь иконы. Многие не понимают символики вообще, и надобно им указать этот путь. Если икона для человека только картина, то все остается в узко-человеческой области, и этого недостаточно, чтобы постичь Божественную правду. Что же касается личных, мистических опытов, духовного света, то об этом лучше не говорить, лучше оставить это открытым, так как ответ труден. Тут необходима вера, не мысль. Но мне ясно, что каждый человек, независимо от своего конституционального типа, имеет естественную способность познать и пережить святое (то есть непосредственную связь с другим, трансцендентным, потусторонним миром, с Богом), только формы этого могут различаться. Человек подходит к Богу как индивидуум, личность и одновременно получает как пустой сосуд. Но если ставишь здесь акцент только на индивидуальность, то ограничиваешь себя. Меня эта проблема мучила в 15-16 лет. Это была проблема моей личности. Интуиция святого была у меня с детства, я всегда был мистик, видел в природе Бога как Творца, но все искал конкретную религию, подбирал ритуалы сообразно своим особенностям. А отец был атеист, хотя тоже был привязан к природе и искусству, видимо, каким-то пантеистическим чувством. Ощутить Бога в истинном смысле он не мог. Иисус как образ Любви – это ему не было понятно.

Итак, культура, по-моему, – это то, что человек сам создает из природы. Природа происходит, движется сама из себя, без вмешательства человека. Когда человек пьет воду из природного источника – это естество, а когда строит колодец – это уже культура. Культура – это есть духовная жизнь без мистического переживания в религиозном смысле. Бог – это уже не культура, не психотерапия. Святое – больше чем родина, это источник, дающий силы и направление, чтобы жить. А культура – родина человека в том смысле, что он в ней родился и хочет в ней жить. Святое – это как подарок, который может быть и каждое воскресенье в церкви, а у святых это – каждый день. Психотерапия исходит из культуры и применяет культуру.

Б. Некоторые наши психотерапевты-священники полагают, что задача всякого психотерапевта – помочь пациенту найти свой путь к Богу. Ты с этим согласен?

К. Такое случается, но это не есть задача психотерапевта. Психотерапевт (и не только поведенческий) может не быть религиозным человеком, а психотерапия его, несмотря на это, может быть отворена в религию, как система Адлера или Юнга. Они ведь сами просили не смешивать их психотерапию с психоанализом Фрейда и его последователей. Психотерапевт, конечно, не может отказаться от религиозного разговора с пациентом, но это всегда чисто человеческая ситуация, это не психотерапия.

Б. В чем же самое существо твоей синтетической психотерапии?

К. В том, что биологическое, психологическое и духовное синтетически включаются в психотерапевтический процесс, а все это невозможно без включения культуры в психотерапию. Сообразно этому содержание синтетической психотерапии составляют три следующих подхода: 1) «упражненческий» (внушение, гипноз и тренировка); 2) познание самого себя, своих ценностей (в широком, в том числе религиозном, смысле); 3) способствующие духовному развитию положительные переживания и творчество⁶.

Б. Чем отличается здесь духовное от психологического?

К. Психологическое – это различные душевные процессы, совершающиеся по правилам, закономерностям, например, примитивные реакции, характерологическое, формы темперамента, чувства. Духовное – все, что переступает эти правила. Это уже почти не зависит от строения тела и от характерологических (душевных, психологических) особенностей, это личностное. Духовное в философском понимании – это ум и воля.

Б. Но аутистическая и синтонно-реалистическая структуры мысли, свойственные соответственно шизотимам и циклотимам, разве не есть особенность ума?

К. Это труднейший философский вопрос. Ум всегда связан с душой, когда работает. Он не существует сам по себе. Или он располагает душевные стремления, или управляется душевными тенденциями. В синтетической психотерапии можно говорить только о духе в философском понимании, но не о Святом Духе, направляющем человека на путь добра.

Б. А дух в философском понимании (как ум и воля) вечен?

К. И да, и нет. Вечен, так как личность вечна. Этого нельзя доказать, но мы можем верить, что наша личность как духовное в своем ядре вечна, связана с замыслом Бога. И тогда наступает освобождение духовного от душевного (психологического, характерологического) и биологического. И в то же время дух не вечен, поскольку зависит от душевных и биологических условий.

Б. Значит, особенности воли и рассуждения связаны с душевно-телесной конституцией?

К. Формы, в которых осуществляются воля и рассуждение, зависят от конституции. Так, рассуждение может быть аутистическим или реалистическим, но оно здесь нравственное по своей сути.

Б. Как происходит в синтетической психотерапии воздействие положительными переживаниями и творчеством?

К. Вспоминаются положительные события в прошлом, особенно в детстве. Общение с людьми, с которыми чувствуешь себя хорошо. Слушание музыки, смех и т.д. В стационаре мы устраивали театр, где

---

⁶ См. подробнее в кн.: Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением – М.: Медицина, 1989. – С.39-41. – Прим. М.Е.Бурно.

пациенты ставили сказки, пели народные песни, в этом участвовали даже больные психозами. Например, целая палата пела спокойную песню перед сном. Но в основном это, конечно, советы постоянно искать положительные переживания. Лечение творчеством выражалось также советами попробовать рисовать (давали бумагу, краски). Это ведь возможность и выразить себя, и сделать полезное.

От психоанализа Фрейда и его последователей синтетическая психотерапия отличается тем, что призывает пациента собственными силами обрести свою ценность, построить свою судьбу. Психоанализ не дает такой возможности, волю пациента не упражняет. Разумеется, истинный психоанализ – без Юнга и Адлера.

Отличие же от психотерапии Юнга и Адлера в том, что они не включали в свою психотерапию биологические аспекты, хотя оба были врачами. Не говорили ничего ни об аутогенной тренировке, ни о лекарствах. Акцент у обоих на психологии. У Адлера – человек должен стремиться к совершенствованию себя, и это мне очень близко и включено в мою психотерапию. Для Юнга духовное возрождение личности осуществляется через глубинное самопознание. Но практически он не заботится о духовном существовании пациентов, лишь подводит их к границе возрождения.

Отец, как я уже говорил, очень осторожно вводил культуру в лечение. Он сам работал с пациентами лишь индивидуально, как и Фрейд, Адлер, Юнг. В стационаре способствовал переходу некоторых творческих пациентов от трудовой терапии к художественным занятиям. Многие больницы после войны вводили художественные (главным образом «декоративные») занятия, программы для больных. Но дальше похвал пациентам отец все-таки не шел. Синтетическая психотерапия обращена к актуальному и будущему, помогает пациенту найти (и с помощью культуры) свой путь, смысл жизни. Она лишь моментом вбирает в себя конституциональную психотерапевтическую концепцию отца. Конституциология показывает и возможности, и границы психотерапии. В отличие от отца думаю, что мы не можем так точно определить конституцию. Но разницу эту между нами не считаю принципиальной. Отцу, как я уже говорил, не удалось создать систематизированный метод в психотерапии. Все его попытки здесь остались в общих положениях. Это была трагедия его жизни. Он не стремился создать психотерапевтическую школу, но все же хотел оказать влияние на развитие психотерапии. И эта беда у нас с ним общая. Взгляды его были тоже слишком широки, чтобы методически сложить какую-то свою психотерапевтическую систему. И моя синтетическая психотерапия не разработана в метод, нет конкретности, системы, практических методик.

Б. А как ты пришел к синтетической психотерапии?

К. Главным образом через себя, с детства чувствуя важность природы и культуры для себя. С работами Ассаджиоли встретился, когда уже сам много думал об этом.

Б. Каких пациентов ты особенно любишь, охотнее лечишь?

К. Невротических пациентов с высоким культурным уровнем, пациентов после шизофренического острого психотического состояния, которых нужно сопровождать по жизни.

Б. В чем, по-твоему, смысл жизни?

К. В саморазвитии, в самостоятельном пути, в теплой откровенности, открытости к людям и природе.

Б. Расскажи еще о своих родных, близких людях. На кого ты генетически больше похож – на отца или мать?

К. Я, старший сын, пошел в мать, и внешне тоже. Средний сын, Ганс Дитрих, погибший на фронте в 1944, пошел в отца. Он тоже, как и отец, играл на скрипке, хотел изучать музыку. Погиб, когда его произвели из солдат в лейтенанты. Мать написала мне об этом на фронт. Младший сын Манфред – тоже в отца. Также пикник, и в нем тоже тревожная скрупулезность. Он практический психиатр и много лет был директором психиатрической больницы недалеко от Боденского озера. Теперь он на пенсии, играет на виолончели. Первый раз я женился в 1947 году на дочери протестантского священника, приятеля отца. Второй раз – в 1970 году на дочери текстильного купца, тоже немке. Мой сын Стефан – служащий, занимается организацией продажи автомобилей. Дочь Савина окончила университет и преподает французский и русский языки в гимназии. У нас в гимназиях нередко преподают русский язык, правда небольшим группам гимназистов, желающим глубоко изучать русскую культуру. Теперь же изучение русского еще более усиливается, так как есть широкие возможности ехать работать в Россию, как в старину. И еще в общей сложности у меня пять внуков.

Б. Как живешь на пенсии и что сейчас пишешь?

К. Как нештатный профессор читаю лекции и провожу семинары в университете по своему желанию, когда хочу. Вот проводил семинар о психотерапевтическом значении немецких и русских народных сказок. Вхожу также в комиссию по приему кандидатов в доценты, в комиссию по докторским диссертациям. Еще немного занимаюсь частной практикой. И, конечно, путешествую. Потихоньку пишу книгу о своих отношениях со славянами, о глубоких взаимодействиях, взаимосвязях между немецкой и русской психиатрией, психотерапией, между нашими культурами вообще, о наших отношениях в истории.

Б. Желаю тебе сил и вдохновения. Спасибо.

Вольфганг Кречмер: **ВНУТРИ РОССИИ**

*(Статья из газеты "Stuttgarter Zeitung", октябрь 1954,
написана еще под впечатлением военных переживаний)*

Россия – страна контрастов. Все ее люди носят в себе эти контрасты как источник творческой силы: дикость и порядок, гордые желания и тихое раздумье, алчность и доброту. Живущий в России испытывает на себе эти основные мощные движения российской жизни, которые заглатывают душу или возвышают ее, ведут к неизмеримой свободной любви. Это влияние испытывает не только русский, но и чужестранец, надолго приезжающий в Россию. Это подтверждается примерами честолюбивой государыни Екатерины Второй, врача Фридриха Иосифа Гааза, отдавшего всю свою славную жизнь, чтобы облегчить жребий узникам, а сам он стал фактически нищим.

Огромное душевное напряжение от этих контрастов перенесли также многие миллионы немецких мужчин на мрачной дороге второй мировой войны на далеком Востоке, куда были внезапно брошены и где увидели то, что прежде никогда не видели – внутреннюю жизнь современной им России. Когда я в 1942 году оказался в Калужской области, одинокий среди многих и грустный среди побеждающих, меня поразило неожиданное ощущение родины и утешения-отрады во «вражеском стане». Простые русские люди поняли меня – и тогда Россия меня приняла и неожиданно открылась мне. Я попал в одну из бедных местностей большой России, а ведь только уединенной дорогой бедности возможно войти во внутреннее, сущностное Восточной Европы. Среди сосновых лесов, полей и рощ лежала низкая деревня без улиц, без заборов, без замков на дверях. Все тонуло в меланхолической серости – хмурое небо, голые деревья, соломенные крыши, серые бревна стен. Но внутри – икона в углу, освещенная пламенем вечной лампадки, темная пещера открытой печи, горящие в ней дрова. И в России, и на Украине – редко где мы не встречали в доме икону. Средневеково покоилась здесь жизнь в своих началах. Всюду я чувствовал приветливость людей, их душевную открытость. Были и грусть, и смех, и любовь – все как всегда. Я мог зайти в любой дом – погреться, выпить горячего – и в городе, и в деревне. В брянских лесах полюбил я изобильную плодородность земли. Часами сидел по вечерам и с украинскими друзьями возле кафельной печи или возле самовара за столом. Зима сменялась там весной, жизнь была проста, бедна, но человечна. Если бы люди не искали загадки России там, где все ясно как день, и не были слепы там, где глубокие тайны становятся очевидными сами по себе, они бы сказали как Рильке:

Как нова эта страна

И как будущна.

Сокращенный перевод с немецкого Е.И.Бурно